

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ КРЕСТЬЯНСТВА (на материалах Московской губернии)

П.А. Рыбаков

Аннотация. В статье на основе широкого привлечения архивных материалов, опубликованных документов, данных статистических сборников рассматривается хлебозаготовительная и налоговая политика в подмосковной деревне во второй половине 1920-х годов. Показывается процесс законодательной разработки хлебозаготовительной и налоговой политики, их динамика, методы и приемы их осуществления. Особое внимание уделяется отношению крестьянства Московской губернии к данным мероприятиям. В заключение рассматривается влияние хлебозаготовок и налоговой политики на развитие сельского хозяйства изучаемого региона. Актуальность темы определяется особой ролью данного региона в социально-экономических процессах во второй половине 1920-х годов. Расположенная вблизи столицы эта территория одной из первых попадала в сферу многочисленных социально-экономических экспериментов, становясь важным источником финансовых, продовольственных и других ресурсов.

Ключевые слова: деревня Московской губернии, сельское хозяйство, крестьянство, хлебозаготовки, налоговая политика в деревне, чрезвычайные меры.

313

GRAIN PROCUREMENT AND TAX POLICY OF THE STATE
IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE IN THE SECOND HALF OF 1920s
AND THE ATTITUDE OF THE PEASANTRY
(On the Materials of the Moscow Province)

P.A. Rybakov

Abstract. *The article considers the grain procurement and tax policy in a village near Moscow in the second half of the 1920s on the basis of wide involvement of archival materials, published documents and statistical data. It shows the process of legislative development of grain procurement and tax policy, its dynamics, methods and techniques of implementation. Special attention is paid to the attitude of the peasants of the Moscow Province to these measures. In conclusion, the consequences of grain procurement and tax policy on the development of agriculture in the region under study are considered. The relevance of the topic is determined by the special role of this region in the socio-economic processes in the second half of the 1920s. Located near the capital, this area was one of the first to be included in numerous socio-economic experiments, becoming an important source of financial, food and other resources.*

Keywords: *village of the Moscow province, agriculture, peasantry, grain procurement, tax policy in the village, emergency measures.*

314

Подмосковный регион занимал особое место в России. В 1920-х гг. Московская губерния была одной из ведущих по плотности населения. Площадь Московской губернии на 1 января 1928 г. составляла 44 569 кв. км. Губерния делилась на 17 уездов и 194 волости [1, с. 5–7]. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в губернии проживало 2 544 889 человек. Из них в городах — 679 897 человек (26,7%), в сельской местности — 1 864 992 человек (73,3%) [там же, с. 8]. Крестьянство Подмосковья отличалось повышенной социальной мобильностью, миграционной активностью, более высоким уровнем предприимчивости и общей культуры. Все это, по словам Д.В. Ковале-

ва, придавало социально-экономическим процессам в подмосковной деревне особый динамизм и более быструю и радикальную реакцию крестьянства на те или иные изменения аграрной политики [2, с. 4].

В период новой экономической политики в Московской губернии наблюдалось быстрое развитие сельского хозяйства. В постановлении XVII Московской губернской партконференции, проходившей в феврале 1929 г., говорилось: «Общие тенденции развития сельского хозяйства в губернии по сравнению с довоенным уровнем указывают на непрерывный его рост по всем видам, что выражалось в следующих показателях: расширении посевных площа-

дей к 1928 г. на 36,4%, росте валовой продукции сельского хозяйства на 50%, переходе от трехпольки на многополье на 87% всей пашни, увеличении машиноснабжения, введении агрикультурных мероприятий, расширении распространения минеральных удобрений, повышения урожайности и т. д.» [3, л. 2–2 об.].

Социальный состав сельского населения Московской губернии был неоднородным. По сведениям коллегии Наркомзема РСФСР, обследовавшей состояние сельского хозяйства Московской губернии в первой половине 1929 г., социальный состав сельского населения губернии был таков: середняцкие хозяйства составляли 55,3%, мелкокапиталистические хозяйства — 6,3%, пролетарские хозяйства — 15% и полупролетарские хозяйства — 23% [4, л. 2]. Причем по первым двум группам хозяйств отмечался их рост за 1927 и 1928 годы (средняцких на 4,8%, мелкокапиталистических на 1,4%), а по двум другим группам хозяйств их уменьшение (пролетарских уменьшилось на 1,4%, а полупролетарских на 4,7%) [там же].

Со второй половины 1920-х гг. в политике государства все отчетливее начинает просматриваться стремление усилить контроль за социально-экономическими процессами в деревне. С помощью деревни высшее партийно-государственное руководство страны рассчитывало решить резко обострившуюся на рубеже 1927–1928 гг. продовольственную проблему и найти средства для ускоренной индустриализации. Поэтому важную роль в решении этих проблем играли хлебозаготовительная и налоговая политика.

Хлебозаготовки стали средством нажима на крестьян еще в 1927 г., но главным образом — в 1928 г., когда в стране разразился хлебозаготовительный кризис, приведший к острой нехватке хлеба в городах. В такой ситуации высшее руководство страны перешло к политике чрезвычайных мер. Так, директива ЦК ВКП(б) парторганизациям о хлебозаготовках от 5 января 1928 г. требовала добиться решительного перелома в хлебозаготовках (причем в недельный срок!) и заканчивалась угрозой отстранения нынешних руководителей парторганизаций в случае промедления ее исполнения [5, с. 136–137]. По сути дела, в этой директиве была изложена программа принципиально нового подхода к крестьянству, оправдывавшая широкое использование репрессий и чрезвычайных мер против них. Не случайно во время хлебозаготовительной кампании 1928 г. возникло и быстро вошло в употребление со стороны местных работников выражение: «Лучше перегнуть, чем недогнуть!» [там же, с. 38]. Следуя этому принципу, местные органы широко использовали административно-репрессивные меры при проведении хлебозаготовок и других кампаний. Это признавалось и органами Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Так, в циркуляре Секретно-оперативного управления ОГПУ местным органам ОГПУ от 31 марта 1928 г. отмечалось: «В связи с хлебозаготовительной кампанией, а также при сборе недоимок по налогу, проведении самообложения и распространении займа восстановления сельского хозяйства наблюдаются многочисленные

факты неправильных действий низового соваппарата, носящих нередко характер произвола (насильственное принуждение к вывозу хлеба, приобретению займа и т. п. путем избиений, угроз оружием, высылкой, арестом ОГПУ и т. д.)» [там же, с. 230–231]. О многочисленных нарушениях при проведении хлебозаготовок сообщалось и в циркуляре Наркомюста РСФСР от 5 июня 1928 г.: «В некоторых районах местные органы власти прибегают к таким мерам, как закрытие базаров, недопущение продажи крестьянам хлеба на базарах, что приводит к нарушению внутрирайонного оборота хлеба и увеличению спроса на хлеб» [там же, с. 286]. Несмотря на использование чрезвычайных мер хлебозаготовки в Московской губернии в 1928 г. проходили с большим напряжением. Так, например, апрельский план хлебозаготовок в губернии был выполнен лишь на 29,3%, а майский — на 34,5% [6, с. 156].

Важнейшим средством регулирования социально-экономических процессов в деревне была также налоговая политика. Во второй половине 1920-х гг. власть существенно наращивает размеры прямого и косвенного обложения деревни. Так, закон о едином сельскохозяйственном налоге на 1926/27 г. вводил обложение «по совокупности доходов», полученных от полеводства, луговодства, от крупного рогатого и рабочего скота, от специальных отраслей сельского хозяйства, имеющих промысловый характер (садоводство, табаководство, огородничество, птицеводство и т. п.), от мелкого скота и неземледельческих заработков [7, с. 184]. Сумма единого сельскохозяйствен-

ного налога в 1926/27 г. была повышена на 100 млн руб. по сравнению с предыдущим и достигла 357,9 млн руб. Кроме того, в 1926/27 г. деревня выплатила 187,7 млн руб. промыслового налога, 48,1 млн руб. пошлин и 601,7 млн руб. косвенных налогов [там же, с. 185]. Сумма единого сельхозналога повышалась и в последующие годы. Так, на 1927/28 г. она была увеличена до 375 млн руб., а на 1928/29 г. возросла уже до 400 млн руб. [там же, с. 186]. В Московской губернии общая сумма единого сельскохозяйственного налога также росла из года в год. Так, в 1927 г. эта сумма составила 6 021 000 руб., в 1928 г. — 715 300 руб., а в 1929 г. — уже 8 253 109 руб. [8, с. 58].

Важно отметить, что сельскохозяйственный налог являлся не только источником государственных накоплений, но и средством ограничения и разорения зажиточных хозяйств деревни. Об этом говорят следующие данные: если в 1926/27 г. одно кулацкое хозяйство уплачивало в среднем 100 руб. 77 коп. сельхозналога, то в 1928/29 г. — 267 руб. 45 коп., то есть в 2,7 раза больше. За это же время средний размер налога на одно середняцкое хозяйство вырос в 1,6 раза — с 17 руб. 77 коп. до 23 руб. 60 коп. [9, с. 25]. Неудивительно, что особое недовольство тяжестью сельхозналога выражали зажиточные слои деревни и особенно середняки, составлявшие большую часть сельского населения Московской губернии. Так, в одной из информационных справок об отношении крестьян Московской губернии к сельхозналогу на 1928/29 год, сообщалось: «Увеличение налога, более всего затронувшее кулачество и зажиточную

верхушку середняков, вызвало с их стороны резкое недовольство. В своих выступлениях и разговорах они стараются доказать неправильность налоговой политики Советской власти, причем их выступление в ряде случаев носит явно антисоветский характер» [10, л. 23]. В этой справке приводились многочисленные высказывания зажиточных крестьян и середняков по поводу налоговой политики. Вот некоторые из них: «Налог с каждым годом становится все тяжелее и нас, крестьян, заставляют под гнетом налоговой политики сокращать свои хозяйства» (Коломенский уезд, Мячковская волость); «Советская власть нас грабит, налоги становятся непосильными, хуже, чем в царское время» (Волоколамский уезд, Яропольская волость); «Засели мужику совсем на шею, дальше ехать некуда» (Бронницкий уезд, Рождественская волость) и др. [там же, л. 23–23 об.]. В некоторых уездах Московской губернии порой даже принимались резолюции против сельхозналога. Так, в с. Липки Липенской волости Орехово-Зуевского уезда во время обсуждения на собрании вопроса о сельскохозяйственном налоге на 1928/29 г. была принята резолюция такого содержания: «Обложение сельскохозяйственным налогом считать неправильным, ввиду обложения лишней земли и потребовать от волысполкома разъяснения, откуда взялось в волости такое количество земли» [там же, л. 24 об.]. Нередко во время таких собраний звучали угрозы в адрес налоговых комиссий, Советской власти и коммунистов. Так, в деревне Алферово Павло-Посадской волости Богородского уезда в сентябре 1927 г. ку-

старь говорил: «Налоговую комиссию надо избить за то, что она, облагая налогом, разделяет нас, бедняков и кулаков» [11, с. 601]. Во время рассмотрения положения о сельхозналоге на 1928/29 год со стороны крестьян того же уезда звучали такие угрозы: «Скоро мы всех коммунистов будем бить и вешать, добьемся во чтобы то ни стало прежнего царского времени» [10, л. 23].

Недовольство налоговой политикой выражали не только крестьяне, но и часть низовых советских работников. В упомянутой выше информационной справке говорилось: «В ряде уездов имели место выступления работников сельсоветов и волостных исполкомов против увеличения сельскохозяйственного налога, сроков его уплаты и классового подхода при обложении» [там же, л. 24]. Так, в селе Карагуново Ленинского уезда председатель местного кресткома на собрании по вопросу обсуждения сельхозналога на 1928/29 г. заявил: «Обложение сельскохозяйственным налогом Советской властью проводится неправильно, классовый подход не способствует развитию сельского хозяйства» [там же]. В селе Грызлово Липецкой волости Серпуховского уезда на районном собрании председатель сельсовета заявил: «Крестьянство так притесняют, что дышать нечем» [там же].

В процессе налогового обложения нередко допускались серьезные перегибы и нарушения, связанные прежде всего с необоснованным увеличением суммы единого сельскохозяйственного налога. Информационные сводки постоянно фиксировали жалобы крестьянства, в которых выражалось их недовольство тяжестью

сельхозналога и выдвигались требования по его уменьшению. Так, например, в сентябре 1927 г. в Подольском уезде Московской губернии в Островскую волостную налоговую комиссию поступило 204 заявления о снижении сельхозналога. В Московском уезде в Пушкинский волостной исполнительный комитет поступило 327 заявлений о снижении налога [11, с. 601]. Подобные нарушения отмечались и в последующие годы. Так, в Карповской волости Богородского уезда Московской губернии сельхозналог в 1927–1928 гг. составлял 16 000 руб., а в 1928–1929 гг. уже 68 000 руб. Увеличение произошло за счет большего обложения кустарных промыслов. В Орехово-Зуевском уезде отдельные хозяйства кустарей Анненской волости, платившие в 1927 г. 50–52 руб. сельхозналога, в 1928 г. были обложены сельхозналогом уже на сумму в 350 руб. [12, с. 390].

Еще одним обременительным видом платежа крестьян в пользу государства было самообложение. Закон о самообложении был принят еще в августе 1924 г. Затем его заменило Постановление ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г. «О самообложении населения». Целью самообложения был сбор средств на хозяйственные и культурные нужды населения. Самообложение допускалось как в денежной, так и в натуральной форме, а также в виде трудового участия. Вопросы самообложения должны были решаться большинством голосов на общем собрании или сходе, на котором должно было присутствовать не менее половины общего числа граждан селения, имевших избирательные права. Размер самообло-

жения не должен был превышать 35% от общей суммы сельхозналога [13, л. 1]. В январе 1928 г. было принято дополнение к Постановлению ЦИК и СНК, по которому совнаркомам союзных республик давалось право предоставлять губернским и окружным исполнительным комитетам и их органам право разрешать для «отдельных волостей и районов» повышать предельный размер самообложения [там же, л. 2].

Крестьяне крайне отрицательно относились к самообложению, считая его еще одним видом побора. Поэтому кампания по сбору самообложения в изучаемом регионе также проходила с большими трудностями. К январю 1929 г. в Московской губернии удалось собрать лишь 48,1% средств от намеченного объема [14, с. 45]. Отмечались многочисленные случаи отказа крестьян принимать на собраниях постановления о самообложении. Так, согласно данным ОГПУ, только в марте 1928 г. в Московской губернии было зафиксировано свыше 100 случаев отказа целых селений от проведения самообложения [12, с. 171]. Подобные факты фиксировались и в 1929 г. Так, на 1 февраля 1929 г. в 289 селениях Московской губернии вопрос о самообложении был отклонен [15, л. 47].

В ходе кампании по самообложению наблюдались случаи, когда даже работники низового советского аппарата под разными предложениями отказывались участвовать в ее проведении. Так, например, в апреле 1928 г., по сведениям ОГПУ, в Московском уезде во время кампании по самообложению отказались от работы 38 председателей сельсоветов, мотивируя свой отказ от работы бо-

лезню и семейными обстоятельствами [12, с. 215].

Последствия хлебозаготовок и налоговой политики в деревне крайне негативно сказались на развитии всего сельского хозяйства губернии. Так, посевная площадь в Московской губернии сократилась с 767 тыс. га в 1927 г. до 756 тыс. га в 1928 г., в том числе посевы озимого клина сократились на 8%, посевы овса на 17,4%, посевы картофеля на 8,6% [16, л. 2]. Такая же картина наблюдалась и в области животноводства. Так, количество крестьянских хозяйств, не имевших рабочего скота, в Московской губернии за период с 1926 г. по 1928 г. увеличилось на 3,7%, а количество бескоровных хозяйств за тот же период выросло на 6,6% [17, с. 417]. Резко сократилось количество овец и свиней. Так, если в 1925 г. количество овец в крестьянских хозяйствах Московской губернии составляло 1177 тыс. голов, то в 1928 г. только 940 тыс. голов. Количество свиней за это же время уменьшилось на 50 тыс. голов [там же, с. 395]. Подобные явления объяснялись тем, что крестьяне часто резали или распродавали скот, чтобы избежать повышенного налогообложения. В этом признавались сами крестьяне. Так, во время обсуждения положения о едином сельхозналоге на 1928/29 г. крестьянин-середняк Воскресенского уезда Московской губернии прямо говорил: «Наше правительство не знает, как бы получше обобрать крестьянина. Добрались до овец и свиней, и приходится задуматься, стоит ли держать скотину в следующем году» [10, л. 22].

Широкое распространение в Московской губернии получила также практика отказа от земли, которая тоже во многом объяснялась ужесточением налогового бремени. Так, в деревне Юрьевка Михневской волости Серпуховского уезда во время посевной кампании 1928 г. 5 хозяйств отказались от пользования землей. В селе Непецино Непецинской волости Коломенского уезда от земельных наделов отказалось 12 хозяйств. Основными мотивами отказа от земли были тяжесть сельхозналога, уход на заработки, нежелание вести сельское хозяйство [18, л. 6–7].

Таким образом, вторая половина 1920-х годов характеризовалась резким ужесточением партийно-государственного контроля над социально-экономическими процессами в деревне. Курс на индустриализацию потребовал огромных капитальных вложений в развитие промышленности. Именно деревня должна была стать основным источником финансовых поступлений. Начиная с 1928 г. государство фактически берет курс на сворачивание НЭПа и переходит к принудительным методам хозяйствования, имевшим целью наладить бесперебойное снабжение хлебом города и обеспечить финансовые поступления. Поэтому основными методами воздействия на крестьянство накануне сплошной коллективизации были хлебозаготовки и налоговый пресс. Государство существенно ужесточает порядок хлебозаготовок и наращивает темпы прямого и косвенного обложения деревни. Эти явления станут доминирующими и в период массовой коллективизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Справочник по населенным местам Московской губернии: по материалам Всесоюзной переписи 1926 года. М.: Московский статистический отдел, 1929. 613 с.
2. *Ковалев, Д.В.* Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века: (на материалах Московской губернии). М.: МПГУ, 2004. 305 с.
3. Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1310.
4. Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3. Оп. 11. Д. 777.
5. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 тт. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. 880 с.
6. *Андреев, В.М., Жиркова, Т.М.* На перекрестках лет и событий. Деревня 1917–1930. Коломна: КГПИ, 2003. 271 с.
7. *Данилов, В.П.* Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство, 1917–1927 гг.: [сборник статей]. М.: Наука, 1977. С. 164–191.
8. *Жиркова, Т.М.* Деформации аграрной сферы в предколхозное время. 1927–1929 гг.: По материалам Московской, Тверской и Тульской губерний: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. [Место защиты: Московский педагогический государственный университет]. Коломна, 2002. 200 с.
9. *Ивницкий, Н.А.* Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: Институт российской истории РАН, 2000. 350 с.
10. Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3. Оп. 11. Д. 737.
11. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов. Т. 5: 1927 г. / редколлегия тома: В.С. Христофоров, А.Н. Сахаров, Г.Н. Севостьянов, Ю.Л. Дьяков (отв. ред.) и др. М.: Институт российской истории РАН [и др.], 2003. 797 с.
12. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов. Т. 6: 1928 г. / редколлегия тома: А.Н. Сахаров, Г.Н. Севостьянов, В.С. Христофоров, А.Д. Чернев (отв. ред.) и др. М.: Институт российской истории РАН [и др.], 2002. 797 с.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 5. Д. 763.
14. *Кирьянова, Е.А.* Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 гг.). Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2006. 264 с.
15. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 2157. Оп. 1. Д. 59.
16. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 4770.
17. Москва и Московская губерния: Статистико-экономический справочник 1923/24 — 1927/28. Ред. Г.В. Шуб. М.: Московский статистический отдел, 1929. 567 с.
18. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 428.

REFERENCES

1. Andreev V.M., Zhirkova T.M. *Na perekrestkah let i sobytij. Derevnnya 1917–1930.* Kolomna, KGPI, 2003, 271 p. (in Russian)

2. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy. Otdel hraneniya dokumentov obshchestvenno-politicheskoj istorii Moskvy*, F. 3, Op. 11, D. 737. (in Russian)
3. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy. Otdel hraneniya dokumentov obshchestvenno-politicheskoj istorii Moskvy*, F. 3, Op. 11, D. 777. (in Russian)
4. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy. Otdel hraneniya dokumentov obshchestvenno-politicheskoj istorii Moskvy*, F. 3, Op. 44, D. 1310. (in Russian)
5. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti (CGAMO)*, F. 66, Op. 11, D. 4770. (in Russian)
6. *CGAMO*, F. 66, Op. 22, D. 428. (in Russian)
7. *CGAMO*, F. 2157, Op. 1, D. 59. (in Russian)
8. Danilov V.P. Sovetskaya nalogovaya politika v dokolhoznoj derevne, *Oktyabr i sovetskoe krest'yanstvo, 1917–1927 gg.* Moscow, Nauka, 1977, pp. 164–191. (in Russian)
9. Ivnickij N.A. *Repressivnaya politika Sovetskoj vlasti v derevne (1928–1933 gg.)*. Moscow, Institut rossijskoj istorii RAN, 2000, 350 p. (in Russian)
10. Kiryanova E.A. *Kollektivizaciya derevni Centra Rossii (1929–1932 gg.)*. Ryazan, Ryazanskij gosudarstvennyj universitet, 2006, 264 p. (in Russian)
11. Kovalev D.V. *Agrarnye preobrazovaniya i krest'yanstvo stolichnogo regiona v pervoj chetverti XX veka: (na materialah Moskovskoj gubernii)*. Moscow, MPGU, 2004, 305 p. (in Russian)
12. *Moskva i Moskovskaya guberniya: Statistiko-ekonomicheskij spravocnik 1923/24 – 1927/28*, ed. G.V. Shub, Moscow, Moskovskij statisticheskij otdel, 1929, 567 p. (in Russian)
13. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE)*, F. 7733, Op. 5, D. 763. (in Russian)
14. “Sovershenno sekretno”: *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.): Sbornik dokumentov, T. 5, 1927 g.*, Redakcionnaya kollegiya toma: V.S. Hristoforov, A.N. Saharov, G.N. Sevostyanov, Yu.L. Dykov (otv. red.). Moscow, Institut rossijskoj istorii RAN, 2003, 797 p. (in Russian)
15. “Sovershenno sekretno”: *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.): Sbornik dokumentov, T. 6, 1928 g.*, Redakcionnaya kollegiya toma A.N. Saharov, G.N. Sevostyanov, V.S. Hristoforov, A.D. Chervnev (otv. red.). Moscow, Institut rossijskoj istorii RAN, 2002, 797 p. (in Russian)
16. *Spravocnik po naselennym mestam Moskovskoj gubernii: po materialam Vsesoyuznoj perepisi 1926 goda*. Moscow, Moskovskij statisticheskij otdel, 1929, 613 p. (in Russian)
17. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy, v 5 t., t. 1, Maj 1927 — noyabr 1929*, ed. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 1999, 880 p. (in Russian)
18. Zhirkova T.M. *Deformacii agrarnoj sfery v predkolhoznoe vremya. 1927–1929 gg.: Po materialam Moskovskoj, Tverskoj i Tul'skoj gubernij*, PhD dissertation (History). Kolomna, 2002, 200 p. (in Russian)

Рыбаков Павел Александрович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра общеобразовательных дисциплин, Государственный университет «Дубна», филиал «Угреша», г. Дзержинский, Московская область, rybakov_ok@mail.ru

Rybakov P.A., PhD in History, Associate Professor, General Education Department, State University “Dubna”, branch “Ugresha”, Dzerzhinsky, Moscow Region, rybakov_ok@mail.ru